

Abdullaeva F., Melville Ch. The Persian Book of Kings: Ibrahim Sultan's *Shah-nama*. — Bodleian Library. University of Oxford, 2008. — 142 p.

В заключении своей поэмы «Шах-наме» великий персидский поэт Абу-л-Касим Фирдауси (329–410/940–1020) писал:

چو این نامور نامه آمد بین   ز من روی کشور شود پر سخن
از آن پس نمیرم که من زنده ام   که تخم سخن من پراگنده ام
هر آن کس که دارد هوش و رای و دین   پس از مرگ بر من کند آفرین

Коль скоро сия книга о знаменитых
достигла своего конца.

Благодаря мне лик страны наполнится
словами!

Посему не умру. Я буду жить,
Ибо семена слов разбросал я!

Всяк, обладающий разумом, мнением
и религией,

После смерти [моей] воздаст мне хвалу!

И действительно, кажется, столько уже сказано и написано о Фирдауси и его поэме, что не стоит более и пытаться. Но нет. Слова поэта оказались пророческими: это понимаешь, когда слышишь цитаты из его грандиозной поэмы в устах представителей самых разных слоев иранского общества. И не только иранского. В нашей стране имя Фирдауси и его поэмы довольно хорошо известны. Ни одна хрестоматия по истории литератур Востока не обходится без Фирдауси. Следует также вспомнить критическое издание «Книги Царей», предпринятое коллективом ученых из Москвы и Ленинграда в 1960–71 гг. В настоящее время «Шах-наме» появилось уже на компакт-диске (изд-во ИД «Равновесие», время звучания 21 час 12 мин.). Огромная исследовательская работа ведется и за рубежом. Книга давних исследователей «Шах-наме» Ф. Абдуллаевой и Ч. Мелвила, выпущенная в серии «Сокровища Бодлеанской библиотеки»

(«Treasures from the Bodleian Library»), посвящена списку поэмы, изготовленному для тимурида Ибрахим-султана (в настоящее время список хранится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета под шифром MS Ouseley Add. 176).

В начале книги, в качестве хусн-е матла⁴, мы находим краткое, но емкое Введение (с. 9–11). Далее, по закону жанра, следует небольшая глава о жизни Фирдауси и окружавших ее и историю создания «Шах-наме» легендах (с. 13–18). Затем авторы кратко рассказывают об основных сюжетных линиях поэмы (с. 19–24). Здесь особенно выделяется небольшая глава, посвященная роли женщин в «Шах-наме», из которой мы узнаем, что они имеют равные права с мужчинами только в том случае, если равны с ними по происхождению — в этом случае женщины могли свободно высказывать свои желания, также как это делают мужчины (с. 22–24).

После краткого изложения биографии Ибрахим-султана авторы переходят к самому списку MS Ouseley Add. 176. Достаточно много места отведено рассуждениям о датировке (к слову сказать, по всей книге даты приводятся без указания соответствующего года по лунной хиджре), но в результате вопрос остается открытым. В то же время, авторы склоняются к мнению о более раннем происхождении списка Ибрахима в сравнении со знаменитым списком Байсункура (833/1430 г.) (с. 28–30), а также утверждают его заметное отличие как от последнего, так и от версии Хамдаллаха Мустауфи (735/1334 г.): «...several verses are missing compared with the other two copies. The rubrics are not standardized and the choice of rubric does not match those in Mustaufi's version (which has very few headings) or Baysunghur's. Ibrahim Sultan's version clearly does not depend on his younger brother's» (с. 57). Авторы счита-

ют, что для окончательного решения вопроса об источнике списка «Шах-наме» Ибрахим-султана необходимы более глубокие текстологические и кодикологические исследования, поскольку научное изучение иллюстрированных списков поэмы по большей части концентрировалось вокруг миниатюр (с. 57).

Далее следует раздел об иллюстрированных списках «Шах-наме» XIV–XV вв. Здесь особо выделяются главы об искусстве производства книги в XV в. (с. 38) и о «Шах-наме» в поэтических сборниках (с. 41).

Раздел «Рукопись „Шах-наме“ Ибрахим-султана» (с. 44–59) начинается с описания рукописи, которое представляется несколько разбросанным, поскольку ранее уже были представлены дискуссия о датировке, а также главы более общего плана, не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемому списку. Кроме того, в начале описания на с. 44 сказано, что в рукописи 468 листов. В следующем абзаце на той же странице отмечается, что собственно текст «Шах-наме» занимает 451 лист. И только на с. 53 становится ясно, что в начале второй части списка вставлена поэма, посвященная Ибрахим-султану. Сколько листов она занимает в рассматриваемом списке и каковы ее четкие границы не указывается. Непосредственно о самой поэме упоминается лишь на с. 110 в аннотации к рисунку 73 («Прием у Ибрахим-султана»), где сказано, что поэма располагается на лл. 2376–239а и посвящена она восхвалению Аллаха, пророка Мухаммада, Фирдауси и его «Шах-наме», а также восхвалению Ибрахим-султана. Заканчивается поэма описанием пира, устроенного Ибрахимом. Авторы отмечают, что поэме предшествует миниатюра с изображением приема у Ибрахима, которая находится на месте, где обычно помещалась миниатюра, изображающая воцарение Лухраспа, назначенного Кей-Хосровом своим преемником. По предположению авторов, эта поэма была сочинена по случаю восстановления Ибрахима в качестве правителя Шираза в 817/1415 г. В этом случае, не совсем ясно, причем тут «Шах-наме»: включение в текст поэмы восхвалений в адрес Фирдауси и его поэмы, скорее, говорит о том, что поэма в честь Ибрахима была написана специально для этого списка «Шах-наме». Тогда получается, что сам список следует отнести к дате,

близкой к 817/1415 г. На мой взгляд, этой поэме следовало бы уделить несколько больше внимания (тем более, что она является заметной особенностью данного списка), а также поместить всю информацию о ней в раздел описания рукописи.

Кроме того, не вполне ясным остается вопрос о количестве бейтов в данном списке. Сами авторы, предварительно математически высчитав максимально возможное количество бейтов (55 924) и сделав скидку на оформление, дают лишь приблизительное число — около 50 000. Таким образом, сэръ Гор Аузли (Sir Gore Ouseley), в коллекции которого находился данный список, так и остался единственным человеком, отважившимся подсчитать точное количество бейтов — 49 991 (с. 44).

После описания рукописи следует раздел, в котором приводятся 42 миниатюры, изготовленные для данного списка, а также снабженные краткими аннотациями иллюстрации из Предисловия и развернутый фронтиспис из начала второй части поэмы (с. 60–121). В небольшом разделе, посвященном значению и некоторым особенностям миниатюр списка Ибрахим-султана (с. 122–125), на основании краткого анализа миниатюр списка авторы делают следующий вывод: теория о том, что список Ибрахим-султана был копией списка Байсункура несостоятельна, поскольку миниатюры «Шах-наме» Ибрахим-султана отличаются от миниатюр «Шах-наме» Байсункура по количеству, по тематике и по стилю — список коррелирует со многими списками ширазской работы 20-х гг. XV в. (с. 124–125).

Издание сопровождается кратким Глоссарием (с. 126–127), Библиографическим списком (с. 128–134) и Примечаниями (с. 135–142). Существенным недостатком книги является полное отсутствие каких-либо указателей, а несомненным достоинством — наличие большого числа иллюстраций высокого качества.

Несмотря на высказанные замечания, эту работу можно охарактеризовать как основательное введение в проблему изучения списка «Шах-наме» MS Ouseley Add. 176. Кроме того, книга содержит краткие сведения о Фирдауси и обстоятельствах написания поэмы, а также в лаконичной форме дает представление о ряде других списков великой поэмы, об эпохе их составления, а также о некоторых

особенностях ширазской школы миниатюристики XV в.

Б.В. Норик

Japan and Russia: Three Centuries of Mutual Images / Ed. by Yu. Mikhailova and M.W. Steele. — Folkestone, UK. 2008.

В настоящее время все большее число исследователей приходит к выводу о том, что при комплексном изучении взаимоотношений между государствами и народами, помимо факторов дипломатического, экономического, политического и культурного характера, следует постоянно принимать в расчет присутствие в общественной мысли и общественном сознании людей устойчивых образов и стереотипов, влияющих на восприятие одним народом (или его отдельными представителями) других стран и народов. Эти образы и стереотипы, которые формировались, развивались и видоизменялись на протяжении длительного времени, являются неотъемлемой составляющей частью процесса социокультурного взаимодействия между странами и народами.

Данный фактор все больше учитывается в современной политике многих государств, их внешнеполитической деятельности и пропаганде. Неоднократно отмечалось, что одним из существеннейших моментов международных отношений оказывается вопрос о том, какое впечатление производит государство на международной арене и как его представители воспринимаются в других странах.

Поэтому в современных условиях чрезвычайно важным представляется стремление исследователей досконально изучить и проследить историческую эволюцию представлений о различных народах, выявить динамику их развития и механизм формирования, а также причины их возникновения и устойчивости в рамках национальной духовной традиции. В подобном контексте весьма актуальными оказываются конкретные исторические исследования, привлекающие данные, полученные другими науками, например этнографией, социальной психологией, литературоведением.

При комплексном подходе к изучаемой теме, те данные, которые накапливаются в

ходе исследований исторической и востоковедной наук, должны быть дополнены результатами, полученными на основании применения методологии тех научных дисциплин, которые также занимаются изучением «образов» и «стереотипов» в русле принятых ими парадигм. На стыке различных гуманитарных наук во второй половине XX в. возникло и успешно развивается междисциплинарное направление, именуемое имагологией.

Коллективная монография «Япония и Россия: три века взаимных образов», на наш взгляд, вносит значительный вклад в изучение формирования взаимных образов народов России и Японии на различных этапах их социокультурного взаимодействия и отвечает насущным потребностям сегодняшнего дня, когда остро ощущается необходимость поисков путей сближения между двумя странами. Данную книгу в полной мере можно отнести к исследованиям имагологического характера, основанным на конкретном фактическом материале.

Первая глава книги, написанная проф. русской истории Осакаского ун-та Икута Митико, посвящена развитию взаимных представлений в России и Японии в период Эдо (1603–1867). Автор скрупулезно отобрал и систематизировал имеющиеся по этой теме исторические данные, вполне логично и закономерно сделав акцент на изучении места и роли Дайкокуя Кодая — человека, находившегося в Российской империи в 1783–1792 гг. и сыгравшего поистине историческую роль в процессе становления основ социокультурного взаимодействия России и Японии на этапе их взаимного узнавания. Первое упоминание о России (или, точнее, Московии), появившееся в Японии, Икута Митико, ссылаясь на Кондо Юдзо, относит к 1623 г., когда появился труд итальянского миссионера в Китае конца периода Мин Джулио Аллени. Таким образом, первые известия о России попали в Японию через Китай из сочинения западноевропейского миссионера. В России первые упоминания о Японии также были заимствованы из западноевропейских и китайских источников. И только когда мореплаватель Дэмбэй по воле случая оказался в России и был принят самим Петром Великим, в России началось формирование реального образа Японии и японцев.

Слово *мосукобия* (Московия) в XVII в. использовалось в Японии не только как название нашей страны, но и для обозначения кож и кожаных изделий. Автор полагает, что кожаные изделия из России могли попасть в Японию в результате торговли с айну. В тот период японское название России и название кожаных изделий совпадало. Аналогичные ситуации часто возникают в период первых контактов между отдельными народами. Можно напомнить, что в Римской империи и других государствах, возникших на обломках этой державы, за китайцами закрепилось наименование серы, что, по сути, отождествляло их с производившимся в их стране шелком. А в английском языке слово «China» и по сей день означает не только Китай, но и то, с чем европейцы отождествляли эту страну, — фарфор. Можно неоднократно приводить и другие подобные примеры.

К сожалению, Икута Митико лишь вскользь упоминает о роли капитана Головнина в деле формирования взаимного образа России и Японии. В действительности же, его пребывание в Японии, общение с японцами, сделанные им записи и последующие публикации следует признать началом нового этапа в процессе формирования взаимных образов двух стран.

Следующая глава, написанная Е. Дьяконовой (РГГУ, Россия), посвящена чрезвычайно любопытному явлению в культурной жизни России — «японизму» конца XIX — начала XX в. Увлечение Японией некоторых российских литераторов, художников и театральных деятелей сыграло важную роль в наполнении русского искусства японскими мотивами, появление которых было связано с духовными исканиями русской интеллигенции в то время и способствовало возникновению в русском искусстве романтического направления нового типа. Это кратковременное явление затронуло лишь немногих деятелей искусства, но, как совершенно справедливо отмечает автор, для Андрея Белого, Мстислава Добужинского, Анны Остроумовой-Лебедевой, Павла Кузнецова, Ивана Билибина и других русских Япония стала своеобразной сказкой, страной мечты или даже утопией.

Тема влияния на процесс формирования взаимных образов России и Японии войн и вооруженных конфликтов рассмотрена в гла-

вах «15 минут славы Японии: манипулирование мировым общественным мнением во время войны с Россией 1904–1905 гг.» проф. японской истории и культуры Р. Ковнера (ун-т Хайфы) и «Место Японии в российской и советской национальной идентичности: от Порт-Артура до Халхин-гола» профессора Ю. Михайловой (ун-т Хиросимы). Р. Ковнер убедительно показывает, как в течение русско-японской войны японское руководство смогло весьма эффективно сформировать в глазах великих держав, своих соседей и среди собственного населения образ современного сильного государства, который заменил представление о Японии как о периферийной экзотической стране.

В России обида за поражение в русско-японской войне сохранялась и после 1917 г. Ю. Михайлова на основе большого количества источников показывает процесс формирования в царской России и СССР образа Японии как врага России. Географические названия Порт-Артур, Цусима, Хасан и Халхин-гол превратились в нашей стране в слова-символы. Первые два ассоциировались с национальным позором и унижением, а два последних стали символами справедливого реванша и наказания агрессора. Ю. Михайлова наглядно подкрепляет свое исследование примерами из художественной литературы, кинематографа и наглядной агитации того времени.

В послевоенный период наметились прямо противоположные тенденции. Этот этап очень удачно продемонстрирован в главе «Создание экранного образа идеального партнера» проф. И. Мельниковой (ун-т Досиса, Япония). Анализируя выход на экраны фильмов совместного производства СССР и Японии в 1960–1970-х годах, автор приходит к выводу о том, что хотя в каждый конкретный момент они были призваны выполнять определенные конъюнктурные задачи, отвечавшие целям определенного этапа нормализации двухсторонних отношений, эти художественные фильмы смогли сыграть огромную роль в складывании позитивного образа простых людей — представителей соседней страны. «Десять тысяч мальчиков», «Москва, любовь моя», «Дерсу Узала», «Мелодия белых ночей» и очаровательный «Маленький беглец» надолго запомнились и полюбили зрители и наряду с телевизионными передачами тех

лет создавали у советского человека весьма позитивный образ Страны восходящего солнца.

Специальные главы коллективной монографии посвящены таким любопытным и ранее не исследовавшимся аспектам формирования взаимных образов, как японская карикатура периода распада СССР, представления о России в провинциальной Японии и восприятие анимэ и манга в современной России. Соавтором Ю. Михайловой в последнем разделе был безвременно ушедший из жизни, замечательный российский востоковед — проф. СПбГУ Е.А. Торчинов.

Широчайший спектр проблем формирования взаимных образов Японии и России, рассмотренный поистине интернациональным коллективом авторов данной монографии, позволяет говорить о масштабности этого коллективного исследования. Тщательный подбор материалов и их скрупулезный анализ, новые повороты темы и привлечение неожиданных источников (плакаты, карикатуры, анимэ, манга) позволяет говорить о новаторстве при рассмотрении уже достаточно популярной темы.

Некоторое сожаление вызывает лишь то обстоятельство, что данной коллективной монографии не предпослана глава теоретического характера, которая позволила бы вписать данное исследование в контекст фундаментальных имагологических работ. К сожалению, на сегодняшний день мы имеем большое количество теоретических работ на тему образов и стереотипов, написанных философами, антропологами, этнологами, культурологами и даже психологами, которые порой слабо ориентируются в конкретном фактическом материале. В то же время специалисты по отдельным странам и культурам (в том числе востоковеды), обладая огромным фактическим материалом, не торопятся с их теоретическим осмыслением. На наш взгляд, наступает время, когда востоковеды не только активно включатся в разработку проблематики имагологического характера, но и внесут свой вклад в формирование теоретических основ имагологии как научного направления.

В заключение хочется отметить, что данная книга не только отличается глубиной поставленных проблем и новизной материала, но и написана в увлекательной манере и

легко читается, что позволяет рекомендовать ее студентам, специализирующимся в области изучения истории и современного состояния отношений России со странами Востока. Книга снабжена большим количеством интересных иллюстраций, что дополняет изложенный материал и помогает его восприятию.

Н.А. Самойлов

Чунакова О.М. Хрестоматия по авестийскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 176 с.

Чунакова О.М. Хрестоматия по древнеперсидскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 72 с.

История развития иранских языков условно делится на три периода: древний (до IV в. до н.э.), средний (до VIII в.) и новый (до настоящего времени). К древнеиранским языкам, дошедшим до нас в письменных памятниках, относятся древнеперсидский и авестийский, к среднеиранским — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, хотаносакский и бактрийский. К новоиранским относятся все современные иранские языки. В процессе исторического развития иранские языки претерпели значительные изменения, пройдя путь от языков с выраженным синтетическим строем, с развитой системой флективных форм до языков аналитического строя.

Изучение иранских языков в Европе и России началось с практическими целями в XVI в. С XVII в., после открытия и дешифровки клинописных древнеперсидских надписей, сасанидских надписей, а также рукописей Авесты, началось научное изучение иранских языков. На рубеже XIX–XX вв. был опубликован фундаментальный труд по иранистике «Grundriss der iranischen Philologie» (Bd. I–II. Strassburg, 1895–1904), в котором содержатся, в частности, работы Х. Бартоломе по авестийскому и древнеперсидскому языкам и К.Г. Залемана по среднеперсидскому языку. В 1904 г. в Страсбурге был опубликован словарь древнеиранских языков Х. Бартоломе «Altiranisches Wörterbuch». В дальнейшем изучением древнеиранских языков за

рубежом занимались Х. Райхельт, Х. Юнкер, А. Мейе, Э. Бенвенист, Р. Кент, К. Хоффманн, Х. Хумбах, В. Бранденштейн, М. Майрхофер и др., среднеперсидским — Х. Юнкер, В.Б. Хеннинг, Х.С. Ньюберг, Д.Н. Маккензи и др. Выдающаяся роль в развитии иранского языкознания принадлежит российской науке. В России древнеиранскими и среднеперсидским языками занимались К.Г. Залеман, А.А. Фрейман, В.И. Абаев, С.Н. Соколов, В.С. Соколова, В.С. Расторгуева; в настоящее время ими занимаются М.Н. Боголюбов, А.Г. Периханян, В.А. Лившиц, И.М. Стеблин-Каменский, Д.И. Эдельман, Е.К. Молчанова и др.

На факультете восточных языков Петербургского университета современные иранские языки преподавались с момента его образования в 1855 г., а с 1863 г. по инициативе К.А. Коссовича началось преподавание древнеиранских языков. В 1876 г. К.Г. Залеман начал также преподавать среднеперсидский язык, и с этого времени древнеиранские и среднеперсидский языки были неизменно представлены в учебных планах факультета, что явилось основой построения курса истории персидского языка. На кафедре иранской филологии, основанной в 1916 г., этот курс читал член-корреспондент АН СССР А.А. Фрейман, а в настоящее время читает академик РАН М.Н. Боголюбов.

Изданные Факультетом филологии и искусств хрестоматии по авестийскому и древнеперсидскому языку О.М. Чунаковой являются первыми учебными пособиями такого рода на русском языке. Они включают вступительную статью «От составителя», алфавит, отрывки из текстов в оригинальном написании, транскрипцию текстов и глоссарий к ним. К авестийской хрестоматии, по образцу издания учебного пособия С.Н. Соколова «Язык Авесты». Ленинград, 1964), приложены также грамматические таблицы.

Во вступительных статьях О.М. Чунакова приводит общие сведения об авестийском и древнеперсидском языках и называет привлеченные тексты: это отрывки из Ясны, начальных глав Вендидада и Яштов для авестийской хрестоматии, и, для древнеперсидской, семь самых известных надписей (целиком и в отрывках) Кира, Ксеркса и Дария. Далее О.М. Чунакова указывает принципы принятой ею транскрипции и приводит пол-

ный список использованной ею литературы. Для авестийского языка это, прежде всего, труды Х. Бартоломе, а также работы С.Н. Соколова, а для древнеперсидского — Р. Кента, В. Бранденштейна–М. Майрхофера, Р. Шмитта и С.Н. Соколова. Важно то, что в хрестоматиях впервые приводятся тексты в оригинале: авестийский — по раритетному изданию К. Гельднера (1886–1895), а древнеперсидский — по практически недоступной публикации Р.Н. Шарпа, изданной в Тегеране (ок. 1970). К приведенным текстам О.М. Чунакова дает подробный глоссарий, слова в котором снабжены грамматическими пометами: при именах указывается род, число и падеж; при глаголах даются основы (настоящего времени, аориста и перфекта), указывается склонение, время (для изъявительного склонения), залог, лицо и число. Особо хочется отметить глоссарий к авестийской хрестоматии (с. 94–158, с. 159–160 — пазендский словарь), поскольку в нем приводятся этимологические сопоставления с новоперсидским языком и с санскритом (последние указаны С.С. Тавастшерной). Слова снабжены также отсылками к тексту, что облегчает пользование глоссарием. Подобный принцип построения словаря дает возможность познакомиться с морфологией языка, и это является еще одним достоинством рецензируемых изданий. Кроме того, понимание авестийских текстов, в которых, как известно, имеется много грамматических непоследовательностей, призваны облегчить шесть грамматических таблиц, включенных в «Хрестоматию по авестийскому языку» (с. 161–171): это таблицы чередования гласных, огласовок именной системы, падежных окончаний, глагольного словообразования, личных окончаний и указательных местоимений.

Тексты, приведенные в хрестоматиях в оригинале и транскрипции, безусловно, полезны для начинающих. Правда, можно высказать замечание относительно выбранной О.М. Чунаковой транскрипции авестийских текстов. Можно согласиться с тем, что в «Хрестоматии по авестийскому языку» (с. 5–6) выбрана фонетическая транскрипция, а не «идеальная», представляющая авестийские слова на праиранском уровне (как в учебном пособии С.Н. Соколова «Язык Авесты», 1964 г.), и не морфологическая, предпола-

гающая знакомство читателя с грамматической структурой языка (как в издании «Авеста В.С. Соколова. Опыт морфологической транскрипции и перевод». Подготовка материалов к изданию и редактирование И.А. Смирновой. СПб., 2005). Выбор «традиционной» фонетической транскрипции О.М. Чунакова объясняет тем, что она использована в существующих словарях и исследованиях (имеется в виду словарь Х. Бартоломе и грамматические очерки авестийского языка В.С. Расторгуевой и С.Н. Соколова). Однако последнее время в научных статьях и трудах М.Н. Боголюбова, Ж. Келлена, Э. Пирара и др. используется модифицированная транскрипция, с обозначением вариантов для букв у, v и њ.

Хрестоматии хорошо изданы. Их обложки оформлены так, как и предыдущая работа О.М. Чунаковой — «Хрестоматия по среднеперсидскому (пехлевийскому) языку» (Из-во СПбГУ, 2005, 94 с.). Последняя построена по такому же плану: вступительная статья о среднеперсидском языке и особенностях письменности, библиография, алфавит и таблица лигатур, а также десять сочинений и отрывков в оригинале (в наборном или рукописном виде) и их транслитерация. В качестве образцов привлечены тексты разных жанров: «Книга деяний Ардашира Папакана», «Книга о праведном Виразе», «Бундахишн», «Суждения Духа разума», наставления, заговор и др. Все тексты были ранее изданы и переведены О.М. Чунаковой в серии «Памятники письменности Востока», и на этом основании она не включила в хрестоматию глоссарий, что, на мой взгляд, является упущением.

Три изданные по единому образцу хрестоматии — среднеперсидского, авестийского и древнеперсидского языков — составляют серию учебных пособий, охватывающих весь курс истории персидского языка. Эти хрестоматии, несомненно, будут востребованы и окажутся полезными для начинающих иранистов. Публикация этих учебных пособий, осуществленная д. фил. н., вед. науч. сотр. ИВР РАН О.М. Чунаковой демонстрирует еще один важный аспект деятельности Института — а именно работу по подготовке новых научных кадров.

З.А. Юсупова

Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. 1. Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. — 299 с.

Составление и издание научных описаний коллекций требует высокой профессиональной квалификации составителей, эрудиции, большого внимания и терпения, она довольно трудоемка и на некоторых стадиях монотонна. Подобная работа может считаться эпохальной, поскольку осуществляется примерно раз в сто лет, а ее значение первостепенно, так как именно с каталога начинается поиск произведения, его списков, редакций и вариантов.

А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьева являются авторами большого проекта по описанию корейских материалов, хранящихся в восточковедных библиотеках Санкт-Петербурга, и первый каталог посвящен корейским письменным памятникам в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Само название свидетельствует о том, что авторы провели большую работу по выделению из китайской коллекции книг, изданных в Корее, атрибутировали и описали их. Эта работа впервые дает представление о корейском собрании Восточной библиотеки СПбГУ и в этом смысле является новаторской.

Введение, предваряющее основную часть, написано А.Ф. Троцевич. В нем впервые дана подробная характеристика произведений, формирующих фонд, его собирателей и состояния книг, сформированы принципы построения каталога (с. 8–37). Описание памятников группируется по двенадцати темам, что дает полное представление о репертуаре университетского собрания и его специфике (с. 39–171). Четыре указателя дают ссылки на произведения и упоминаемые имена (с. 284–299). Каталог снабжен солидной иллюстративным материалом, содержащим воспроизведение 84-х титульных листов, колофонов, страниц рукописей и ксилографов (с. 173–283).

В «Описании» представлены 84 рукописи и ксилографа, что в общей сложности состав-

ляет 844 единицы хранения. Описание каждого экземпляра рукописной или печатной книги дано по определенной строго выдержанной схеме, учитывающей как полиграфические, так и палеографические характеристики. В характеристике издания указывается шифр его хранения, название, язык, на котором написано произведение, тип издания (рукопись, ксилограф, подвижной шрифт), количество квонов, датировка, размеры самой книги и печатной рамки, пагинация, количество строк на странице и знаков в строке, запись на сгибе, качество бумаги (с. 34). Такое подробное описание впоследствии даст возможность ученым идентифицировать издания и фрагменты текстов.

Судя по описанию, корейские книги печатались по образцу китайских ксилографов, когда две страницы вырезались на одной доске, затем напечатанный лист сгибался пополам, и листы сшивались в книгу. Вертикальное пространство между досками называется *байкоу*, и на нем печатается сокращенное название, пагинация и «идентификация» доски — «рыбий хвост». По нему можно судить с одной или с разных досок печатались различные экземпляры произведения. Термин «рыбий хвост» — китайский, поэтому я считаю правомерным использовать и термин *байкоу* вместо «на сгибе листа». В описании часто упоминаются сделанные владельцем пометы: «над верхней рамкой» или «под нижней рамкой». В китайской и маньчжурской палеографии используются слова «верхнее и нижнее поле».

В описаниях корейских изданий авторы дают не только типографские характеристики, но указывают на наличие печатей и записей их владельцев, что дает возможность проследить историю книги и ее появления в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ.

В тех случаях когда под отдельным шифром оказывается фрагмент какого-либо произведения, авторы приводят полную характеристику самого корейского произведения и ссылку на «Общий каталог корейских книг» библиотеки Сеульского национального университета или другие опубликованные справочники. Несмотря на то что многие тексты встречаются и в других собраниях, описываемая коллекция содержит еще нигде не упомянутые тексты, например: исторический документ «Обзор событий восьмой луны 504 года со

времен основания династии» (№ 34), географическое «Описание Сонггидонъя» (№ 52), карты Кореи (№ 53, 54), литературные произведения — «Повесть о почтенном Зайце» (№ 62) и роман «Нефрит во сне и пара фениксов» (№ 65) и др.

Рецензируемый каталог снабжен общим указателем имен, общим указателем названий произведений, указателем имен авторов сочинений и указателем названий сочинений. Как объясняют авторы «Описания», первые два указателя (имен и названий) составлены в порядке русского алфавита, однако «элементы в указателях расположены не по стандарту (от слова, записанного кириллицей, — к иероглифу)... а от слова (названия, имени), записанного иероглифами. — к транскрипции названия (в кириллице) и переводу (названия) на русский язык». Такую систему расположения материала авторы объясняют тем, что иероглифическая запись более информативна для международных специалистов, чем ее русская транскрипция и перевод. Такой выбор вполне оправдан, так как каталоги и описания библиотек являются справочным материалом для всех специалистов, работающих в различных странах мира.

Поскольку в «Описании» даны характеристики различных изданий — рукописей, ксилографов и изданий подвижным шрифтом, то было бы уместно добавить указатель по типу издания.

«Описание письменных памятников корейской традиционной культуры», составленное А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой, безусловно является большим научным достижением, так как его публикация откроет широкому кругу ученых доступ к фонду корейских письменных памятников, хранящихся в Восточной библиотеке СПбГУ.

Т.А. Пан

Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Сборник статей. Под ред. И.Ф. Поповой. — СПб.: Славия, 2008. — 244 с.

Научные экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX в. открыли новую страницу в изучении истории и культуры этого региона, который привлек пристальное

внимание европейских ученых из Германии, Англии и Франции. Благодаря экспедициям А. Стейна, П. Пеллио, С. Гедина, Ле Кока, С.Ф. Ольденбурга, П.К. Козлова и многих других исследователей были собраны уникальные коллекции духовной и материальной культуры народов Центральной Азии от древности до нового времени, ныне хранящиеся в европейских и русских музеях и архивах. Все коллекции имеют определенную специфику, которая объясняется целью, временем и местом работы экспедиций. Существует довольно обширная литература по истории и коллекциям, хранящимся в европейских собраниях, но впервые предлагается научный труд о русских экспедициях, сыгравших особую роль в изучении Центральной Азии. Рецензируемая книга является сборником статей, который обобщает сведения об организации и результатах этих экспедиций, а также истории изучения находок и материалов, ныне хранящихся в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН и Государственном Эрмитаже. Издание является юбилейным и приурочено к 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей Российской Академии наук, отмечавшемуся всей научной общественностью страны в декабре 2008 г.

Основным достоинством сборника является то, что статьи о подготовке и проведении экспедиций написаны на основе тщательного анализа архивных материалов, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук и Архиве востоковедов. При этом многие из исследуемых документов вводятся в научный оборот впервые в статье И.Ф. Поповой «Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков» (с. 11–39), в ее же статье о Первой (1909–1910) и Второй (1914–1915) Русских Туркестанских экспедициях С.Ф. Ольденбурга (с. 148–175), а также в статьях М.И. Воробьевой-Десятковской «Экспедиция М.М. Березовского в Кучу (1905–1908)» (с. 65–74) и Т.И. Юсуповой «Монголо-Сычуанская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909) и открытие Хара-Хото» (с. 112–129).

Рукописи, привезенные из российских экспедиций, в основном хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН, и их изучению посвящены статьи Л.Ю. Тугушевой «Экспедиции в Центральную Азию и открытие раннесредневековых тюркских

письменных памятников» (с. 40–49), С.Г. Кляшторного «Древнетюрские памятники рунического письма из Восточного Туркестана» (с. 50–64), В.А. Лившица «Manichaica в Азиатском музее» (с. 82–87), Е.И. Кычанова «Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение» (с. 130–147). В этих статьях дается история возникновения новых направлений восточной историографии, источниковедения и текстологии — изучение тюркских, манихейских, тангутских рукописей и дуньхуановедение.

Обоснованным является и привлечение к данному сборнику специалистов-хранителей музейных коллекций прикладного искусства, поскольку во время полевых работ ученые собирали не только рукописные тексты, но и предметы материальной культуры. Об экспедиционных находках повествуют статьи Ю.И. Елихиной «Буддийские памятники из Хотана в собрании Государственного Эрмитажа» (с. 75–81) и С.В. Дмитриева, Л.Ф. Поповой «Кашгарская коллекция С.М. Дудина в Российском этнографическом музее» (с. 88–111). Таким образом, читатель имеет возможность ознакомиться с разносторонней собирательской деятельностью российских экспедиций.

Материалы статей зарубежных коллег из Англии, Японии и Китая дают возможность взглянуть на работу российских экспедиций глазами других иностранцев, работавших в то же самое время в Центральной Азии и на тех же археологических и исторических объектах. Эти статьи свидетельствуют о научной кооперации ученых из разных стран и о приоритете научных интересов над политическими разногласиями того времени (статья С. Витфилд «Взаимоважение в отношениях ученых в период политического противостояния», с. 203–218). Важности такого научного сотрудничества на современном этапе посвящена статья Такаты Токио «Японские исследователи российских коллекций из Центральной Азии» (с. 176–187). О том, как происходило общение ученых в столь отдаленных и труднодоступных местах, наглядно показано в статье И. Галамбоша «Участие Англии в японских исследованиях в Центральной Азии. Роль А.О. Хоббса в третьей экспедиции Отани» (с. 188–202). Безусловно, политика китайских властей в XIX–XX вв. в Центральной Азии способствовала тому, что

большое количества материала было вывезено из страны в Европу, Россию и Японию. Экспедиции, снабженные сопроводительными документами и китайской охраной, беспрепятственно передвигались по стране. Об этом свидетельствуют документы из Архива Синьцзян-Уйгурского автономного района, опубликованные в статье Жун Синь-цзяна «Русские экспедиции и китайские власти в конце XIX — начале XX века» (с. 219–227).

Таким образом, сборник статей «Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века» в полной мере отражает собирательскую и научную деятельность российских ученых. Он снабжен большим количеством иллюстративного материала — воспроизведение архивных фотографий, рукописей, карт, предметов прикладного искусства. Фотографии для издания были профессионально выполнены фотографом С.Л. Шевельчинской.

Следует особо отметить, что книга подготовлена на русском и английском языках и снабжена указателями имен и географических названий. Наличие двух редакций текстов статей позволяет значительно расширить круг читателей. Настоящий сборник является первой книгой, обобщающей основные достижения российских ученых в области собирательства и изучения центрально-азиатских материалов. В нем представлены работы современных петербургских востоковедов и их зарубежных коллег.

Т.А. Пан

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Маньчжурская тематика не является новой в отечественном и мировом востоковедении. В конце XIX — начале XX в. в Санкт-Петербургском университете трудилась плеяда крупных маньчжуроведов, на факультете восточных языков обучались отечественные специалисты по Маньчжурии. Азиатский музей стал хранилищем литературы и рукописей на маньчжурском языке. Широко осуществлялись сравнительные исторические исследования в области тунгусо-маньчжурского и алтай-

ского языкознания. В разное время в силу разных политических причин возрастал интерес к изучению проблем истории империи Цин XVII–XVIII вв., китайско-маньчжурских отношений. Значительно меньшее внимание уделялось изучению богатого собрания маньчжурских письменных памятников и культуры маньчжурского этноса.

Отсюда совершенно очевидно актуальность научного исследования Т.А. Пан, посвященного изучению маньчжурских письменных памятников как источника по истории и культуре империи династии Цин, вследствие того факта, что она, хотя и была маньчжурской, все-таки управляла Китаем, а потому стала объектом исследования прежде всего синологов, которые незначительно, а то и вовсе не учитывали многочисленные ценные маньчжуроязычные источники, особенно после низвержения иноземной династии в период Синьхайской революции и в последующее время. Поэтому давно ощущалась потребность в привлечении именно маньчжурских источников и литературы для полноты и объективности результатов научных исследований.

Знакомство с монографическим исследованием Т.А. Пан позволяет сделать однозначный вывод о том, что в данном случае отечественное и мировое востоковедение, в первую очередь маньчжуристика, обогатилась ценным обобщающим трудом, во всей полноте раскрывшим ценность маньчжурских письменных памятников как важнейшего источника для изучения истории и культуры империи Цин XVII–XVIII вв. Для этой цели Т.А. Пан весьма удачно разработала и определила структуру своей монографии. Прежде всего, следует признать, что она проделала сложную и огромную работу по выявлению в востоковедных хранилищах маньчжурских рукописей и киелографов. Эти тексты, среди которых очень много уникальных, практически впервые в маньчжуроведении столь широко вводятся в научный оборот.

Рассмотрев историю формирования и изучения маньчжурских текстов, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН, Национальной библиотеке и Музее Гиме в Париже, Т.А. Пан, привлекая громадный фактический материал, подробно характеризует маньчжурские источники по истории династии Цин, по профессиональной ситуации,

приводит самые разнообразные сведения о грамматиках и хрестоматиях собственно маньчжурского языка.

Как несомненную заслугу Т.А. Пан следует отметить прекрасное знание маньчжурских архивных материалов в различных странах Европы, включая Россию, их публикаций на европейских языках, привлечение которых значительно расширят источниковедческую базу маньчжуроведения как науки.

Несомненно ценным и весьма перспективным в научном плане, особенно для исследователей истории и этнографии Китая, является вывод автора о том, что цинский период в истории Китая является подтверждением тезиса о взаимном обогащении и дополнении двух мощных культур в условиях сосуществования, как это неоднократно бывало в истории Китая, начиная с древних времен. Несмотря на то, что маньчжурская культура синтезировала определенные элементы китайской (ханьской) культуры, в ней отчетливо вырисовываются маньчжурские этнические особенности.

В книге дается анализ не только общих, но и некоторых конкретных вопросов истории империи Цин, в частности, исправлена ошибка В.В. Горского относительно имени второго маньчжурского императора: вместо Абахай — Хун Тайчжи в соответствии с маньчжурской традицией. Большой интерес для этнографов представляют проведенные автором исследования религиозных текстов на маньчжурском языке и роли шаманизма с его верховным божеством Абкай эдури (Духом Неба).

Этническая самоидентификация маньчжуров в первую очередь была связана с шаманизмом, знанием родного языка, а также с определенными хозяйственно-культурными навыками. По мнению Т.А. Пан, шаманизм, а также умение стрелять из лука (с колена и с лошади на скаку) и говорить по-маньчжурски следует признать обязательными этническими характеристиками маньчжурского этноса еще в период правления первых цинских императоров. Следует, однако, отметить, что уже в конце XVI в. частью маньчжурской традиционной культуры в определенной степени стал буддизм, причем настолько естественной ее составляющей, что элементы буддистской культуры прочно вошли в самосознание маньчжуров.

Весьма интересен вывод автора о создании к концу XVIII в. тезауруса китайской культуры на маньчжурском языке, т.е. своеобразной цинской культуры, представляющей собой синтез культур различных народностей страны, прежде всего маньчжурской и ханьской, а также монгольской, тибетской и уйгурской. В этой связи целесообразно вспомнить о традиции формирования и существовании самоназвания населения страны по названию правящей династии, в данном случае династии Цин — цин жэнь.

Монография Т.А. Пан является оригинальным, самостоятельным научным трудом, представляющим огромный научный интерес для историков, этнографов, лингвистов. Несомненно, он займет свое достойное место в истории отечественной науки и станет незаменимым пособием и источником для дальнейшего изучения определенного периода истории Китая.

А.М. Решетов

Asiatische Studien. Études Asiatiques, LXII-3-2008, Zeitschrift der Schweizerischen Asien-Gesellschaft, Revue de la Société Suisse — Asie. Documentary Letters from the Middle East: The Evidence in Greek, Coptic, South Arabian, Pehlevi, and Arabic (1st–15th CE). Ed. by Mira Grob E., Kaplony A. — Bern–Berlin–Bruxelles–Frankfurt am Main–New York–Oxford–Wien: Peter Lang, 2008.

Данный выпуск журнала «Asiatische Studien / Études Asiatiques» (Азиатские исследования), издаваемого Швейцарско-Азиатским обществом (Берн, Швейцария), где публикуются научные исследования по истории Азии на немецком, французском и английском языках, подготовлен Е.М. Гроб и проф. А. Каплони (оба из Цюриха). В него включены статьи, в которых представлен анализ документальных источников I–XV вв., а именно официальных и частных писем, написанных на греческом, коптском, южноаравском (*саба*), пехлевийском и арабском языках на Ближнем Востоке.

Статья Р. Луизелли (R. Luiselli, Флоренция) «Греческие письма на папирусе первых восьми веков: обзор» (Greek Letters on Papyrus First to Eighth Centuries: A Survey) посвящена

исследованию официальных и частных писем из Египта, написанных на папирусе на греческом языке в так называемый греко-римский период (I–VIII вв.). В общей сложности сохранилось более 9 тысяч писем христиан Египта, дошедших до нас в составе средневековых рукописей, которые хранятся в различных фондах мира, а также в виде отдельных писем.

Работа (с. 677–737) состоит из нескольких разделов: «Писчие материалы» (Writing materials), «Текст и писчая поверхность» (Text and writing surface), «Палеография» (Palaeography), «Норматив» (The prescript), «Основной текст письма» (The body of the letter), «Завершающая формула» (The closing formulae), «Дополнительные материалы» (Additional materials), «Адреса и примечания доставки» (Addresses and delivery notes), «Практика упаковки и нанесения печатей» (Closing and sealing practices), «Хранение» (Conservation), «Билингвизм» (Bilingualism), «Стиль и регистрация» (Style and register). В конце приводятся библиография (Bibliography) и факсимильные изображения нескольких писем (Figures).

Автор описывает историю использования листов папируса в качестве материала для письма и сравнивает его с другими писчими материалами, бытовавшими на Ближнем Востоке. Кроме того, там рассматривается целый ряд вопросов, связанных с историей письменной культуры. В частности, отмечается, что для письма иногда предпочитались не новые, а старые листы папируса. Форматы листов могли быть разными, так же как и соотношение между писчей поверхностью и текстом, который на ней наносится. Разнообразным мог быть и почерк письма, в зависимости от того, каким являлся характер текста: официальным или частным. Документальные письма из Египта римского и византийского периода имели специфические вступительные и заключительные формулы, структуру и содержание, стиль изложения текста и написания адресов. Писцы использовали различные методы и способы закрепления листов папируса и нанесения печатей. В статье приводятся также сведения об основных правилах хранения писем, которые использовались в официальной и частной сфере. Особое внимание уделяется вопросам билингвизма и регистрации писем.

Статья «Коптские письма» (Coptic Letters), Т.С. Рихтера (T.S. Richter, Лейпциг) посвящен-

на исследованию писем, написанных на коптском языке, который использовался в Египте в качестве письменного языка в эпоху господства Византии (IV–VI вв.) и раннего ислама (VII–IX вв.). Она состоит из вступления и основной части (с. 739–770). Вступление (Prolegomena) содержит два параграфа. «Письма в тексто-лингвистической перспективе» (Letters in a textlinguistic perspective) и «Возвышение и функциональный статус коптского языка — социоллингвистическая заметка» (The rise and functional state of Coptic — sociolinguistic remark). Основная часть включает несколько разделов: «Коптские письма как предмет исследования» (Coptic letters as a matter of research), «Внешние особенности коптских писем: издания, рабочая поверхность, датировка и т.д.» (External features of Coptic letters: Editions, writing surface, dating, etc.), «Самые ранние заверенные коптские письма» (The earliest Coptic letters), «Внутренние особенности коптских писем: их формуляры, фразы и т.д.» (Internal features of Coptic letters: Their formularies, phrases, etc.), «Коптские письма в литературной традиции — случай писем Шенуте» (Coptic letters in literary tradition — the case of Shenoute's letters), «Существенные изменения в поздних коптских письмах» (Significant alterations in late Coptic letters). В конце приводятся библиография (Bibliography), несколько таблиц (Tables) и факсимильных изображений писем (Figures). В 1-й таблице приводятся общие сведения о количестве, изданиях, датировке, содержании, материале, местах находок и лингвистических особенностях коптских писем. Во 2-й — вступительные и завершительные формулы коптских писем IV в. с указанием источника и его издания. В 3-й — различные формулы и фразы из коптских писем. В 4-й — категории в библиографической структуре корпуса памятников коптского письма Шенуте. В 5-й — фразеология писем из корпуса Шенуте. В 6-й таблице представлены отличительные особенности поздних коптских писем.

До настоящего времени изучение коптских писем проводилось в общей, тексто-лингвистической перспективе, и функциональное состояние письменного коптского языка выделялось в социоллингвистическом плане. В данной работе дается краткий обзор нынешнего состояния изучения коптских писем, там рассматриваются внешние особенности

коптских писем: их издания и рабочая поверхность, ареал и время их распространения, их внутренние особенности, в частности формуляры и фразы. Поскольку коптские письма дошли до нас по двум различным видам источников, а именно путем папирологических открытий и литературной передачи, исследуется каждый конкретный случай для сравнения писем, полученных из этих двух сфер. Предметом исследования являются самые ранние заверенные коптские письма (IV–V вв.) и существенные изменения, которые претерпело коптское письмо на самом последнем этапе своего развития (X–XI вв.).

В статье П. Штайна (P. Stein, ун-т Джена, Германия) «Переписка письмами и эпистолярными формулами в древней Южной Аравии» (*Correspondence by letters and epistolary formulae in Ancient South Arabia*) исследуются памятники доисламской письменности Южной Аравии (*саба*), представляющие собой письма и эпистолярные произведения, составленные в Южной Аравии в период ранней и поздней истории Саба, т.е. с VIII в. до н.э. по VI в. н.э.

Работа (с. 771–802) состоит из вступления (*Introduction. State of research*) и нескольких разделов, таких как «Материальные аспекты писем» (*Material aspects of the letters*), «Язык(и) текстов» (*The language(s) of the texts*), «Структурные аспекты текстов. Эпистолярная формула» (*Structural aspects of the texts. Epistolary formulae*), «Организация написания и доставки послания» (*Organization of writing and delivering a message*), «Древние южно-аравийские письма, опубликованные до сих пор» (*Ancient South Arabian letters published up to now*). В конце приводятся библиография (*Bibliography*), таблица палеографического развития древней письменности Южной Аравии (fig. 3.1) и несколько образцов памятников южноаравийской письменности с прорисовкой текстов.

До настоящего времени сохранилось около 7 тыс. памятников на южноарабском языке и письменности (*саба*), написанных на керамике и дереве — письма, экономические документы, упражнения в письме (алфавиты), которые хранятся в различных музеях Сан-а, Мюнхена и Лейдена. Изучение этих документов было начато сравнительно недавно, в 70-х годах XX в. Ранее были известны только так называемые «памятные надписи» южно-

арабской письменности (всего около 10 тыс. текстов), написанные на скалах, каменных блоках и фрагментах граффити.

Переписка в древней Южной Аравии — сравнительно новый предмет исследования в семитской филологии. Первые тексты такого рода были изданы лишь в 1990-х годах. Следовательно, доступный для исследования материал не очень обширный. В данной работе предметом изучения стали около 100 писем на языке *саба*, охватывающие период с середины I тыс. до н.э. по V–VI вв. н.э. Характерной особенностью, присущей этим письмам, было то, что они были написаны на частях стеблей листа пальмы и кусках деревянных палок, в древности считавшихся самыми легкодоступными и дешевыми материалами для письма на Ближнем Востоке. Однако, как отмечает автор, Южная Аравия (Йемен) была исключением. Особое внимание автор уделяет истории развития эпистолярных формул. В отличие от в предыдущих исследований подобного рода, формулярные структуры представлены здесь в их полном текстовом контексте — формулы цитируются не по отдельности, а в виде полных, представительских текстов.

В статье Д. Вебера (D. Weber, Берлин) «Сасанидские письма из Египта» (*Sassanidische Briefe aus Ägypten*) (с. 803–826), состоящей из Вступления (*Einleitung*) и двух разделов: «Схема писем» (*Briefschema*) и «Типы писем» (*Brieftypen*), приводится текстологический анализ отдельных писем с переводом на немецкий язык. В конце помещены библиография (*Bibliographie*) и факсимильные изображения нескольких писем (*Abbildungen*).

Автор делает подробное исследование сасанидских писем, написанных на папирусе и пергаменте в 619–629 гг. в Египте. Письма, как правило, состоят из трех частей, первая из которых (часть А) является вводным адресом (с многочисленными почетными формулами), вторая (часть Б) содержит фактическое сообщение письма, и третья (часть В) повторяет в краткой форме вводный адрес. Фактический объем этих трех частей может быть разным в зависимости от содержания письма. Имеется различие между частными письмами и письмами официального характера, такими как военная переписка, виды паспортов, юридические документы (записи о денежных сделках или натуральных продук-

тов, финансовые отчеты чиновникам). Эти два типа писем иногда могут быть совмещены, особенно в тех случаях, когда отдельные части официальной переписки включены в состав писем частного содержания.

Статья (с. 827–842) Ф. Жино (Ph. Gignoux, Париж) «Частные письма и деловая переписка в Иране в VII в. н.э.» (*Lettres privées et lettres d'affaires dans l'Iran du 7-ème siècle*) состоит из вступления (*État de la recherche*) и нескольких разделов: «Эпистолярная документация» (*La documentation épistolaire*), «Литературная традиция» (*La tradition littéraire*), «Формуляры писем» (*Les formulaires des lettres*), «Поздняя эпистолярная традиция» (*Une tardive tradition épistolaire*), «Структура писем» (*Le contenu des lettres*), «Язык писем» (*La langue des lettres*), «Проблема датировки» (*Le problème de la datation*). В качестве образца в работе приводится текст одного наиболее важного письма с транскрипцией, переводом на французский язык и комментарием. В конце работы приводится библиография (*Bibliographie*) и факсимильное изображение одного письма (*Illustration*).

Пехлевийская папирология охватывает два вида источников: документы, поступавшие в Ктесифон из г. Файйум в Египте, которые были изданы Д. Вебером в двух книгах из серии Корпус [памятников] иранской письменности (*Corpus Inscriptionum Iranicarum*), и новое собрание документов по названию Пехлевийский Архив (*Pahlavi Archive*), происходящее из Ирана и хранящееся в Библиотеке Банкрофт (*Bancroft Library*) ун-та Беркли (*Berkley*). Частные и деловые письма, сохранившиеся в этих двух собраниях, насчитывают около 150 наименований. Их формуляры состоят из адреса, содержания информационных и повторных формул пожеланий и приветствий. Автор приводит также локализацию и датировку Пехлевийского Архива.

Статья (с. 843–883) В. Дима (W. Diem, Кельн) «Арабские письма предсовременных времен. Обзор с комментированной избранной библиографией» (*Arabic letters in pre-modern times. A survey with commented selected bibliographies*) состоит из нескольких разделов: «Определение понятия «письмо»» (*Definition of "letter"*), «Корпус» (*Corpus*), «Эпистолярный язык, фразеология и стиль» (*Epistolary language, phraseology and style*), «Архаические черты в письмах, написанных Пророку

Мухаммаду в литературной традиции» (*Archaic features in letters ascribed to the Prophet Muhammad in literary tradition*), «Письменность» (*Script*), «Письма как источник по культурной, социальной и политической истории Ислама» (*Letters as a source for Islamic cultural, social and political history*). В конце приводится библиография (*Bibliography*) и факсимильные изображения нескольких писем (*Figures*).

В работе дается обзор арабских писем в досовременные, т.е. доисламские времена. В то время как количество дошедших до нас писем, написанных на других классических семитских языках, таких как иврит или предшественники арамейского языка (библейский арамейский, сирийский), не говоря уже о предшественниках древнеэфиопского языка (*Ge'ez* и древнеарамейский), весьма ограничено, этого нельзя сказать об арабских письмах. Напротив, проблема, связанная с арабскими письмами в досовременные времена, заключается в их большом количестве и разнообразии, с одной стороны, и региональном и хронологическом неравенстве — с другой. Поэтому после определения понятия «письмо» автор приводит обзор имеющегося корпуса арабских писем, а затем затрагивает вопросы языка, фразеологии и стиля, а также письменности. Затем показывается ценность арабских писем как источника для изучения культурной, социальной и политической истории.

Статья Дж. Хана (G. Khan, Кембридж, Великобритания) называется «Замечания по истории и развитию ранних арабских документальных формуляров» (*Remarks on the historical background and development of early Arabic documentary formulae*). Работа (с. 885–906) состоит из нескольких разделов, таких как «Происхождение арабских документов раннего исламского периода» (*The provenance of Arabic documents from the early Islamic period*), «Юридические документы» (*Legal documents*), (*Letters*), (*Script*) и «Заключительные замечания» (*Concluding remarks*). В конце работы приводится библиография (*Bibliography*) и факсимильные изображения нескольких писем.

Формулярная структура арабских юридических документов и арабских писем в Умаййадский период (661–750 гг.) была принесена арабами на завоеванные территории. Некоторые особенности формул можно вы-

делить, чтобы найти параллели в доисламских семитских формулярных традициях. В Аббасидский период (750–1258 гг.) были введены новые формулы. Новые юридические формулы развивались юристами, которые иногда привлекали другие юридические традиции, существовавшие в Аббасидских, бывших Сасанидских центрах. Новшества в формулярах письма, возможно, стимулировались возросшей важностью придворного церемониального протокола в Аббасидский период. Если в Умайядский период пишущий письмо представлял себя отдаленным от получателя, то в новом стиле, введенном в Аббасидский период, автор представлял себя в действительном присутствии получателя. Некоторые из новшеств документальной формулы, которая возникла в Аббасидский период, кажутся более ранними в документах из Хорасана, нежели в тех, что из Египта.

В сборнике также опубликованы рецензии на немецком языке: М. Винтера (M. Winter, Цюрих) на книгу: de Crespigny R. A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Handbook of Oriental

Studies — Handbuch der Orientalistik. Section Four. China. Vol. 19. Leiden–Boston: Brill, 2007; Э. Гиньяр (E. Guignard, Ромбах, Швейцария) на книгу: Héral F. La cour et l'administration du Japon à l'époque de Heian. Genève: Librairie Droz S.A., 2006; А. Ся (A. Hsia, Гонконг) на книгу: Schuster I. Faszination Ostasien. Zur kulturellen Interaktion Europa-Japan-China. Aufsätze aus drei Jahrzehnten. Bern: Peter Lang, 2007.

Все статьи представленные в 3-м выпуске журнала «Asiatische Studien / Études Asiatiques», вносят значительный вклад в изучение документальных источников, а именно частных и деловых писем, экономических и юридических документов I–XV вв. н.э., написанных на греческом, коптском, южноарабском (*саба*), пехлевийском и арабском языках на Ближнем Востоке. Эти работы значительно расширяют источниковедческую базу для исследований в области истории культурной, социальной и политической истории Ближнего Востока в эпоху античности и средневековья.

III. Камолитдин